

Ольга ШОРИНА

Лиловая тетрадь

Первый дневник

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Разноцветные тетрадки

Ольга Шорина

Лиловая тетрадь

«Автор»

2018

Шорина О. Е.

Лиловая тетрадь / О. Е. Шорина — «Автор»,
2018 — (Разноцветные тетрадки)

ISBN 978-5-532-09840-4

"90-е годы искалечили жизнь многим, в том числе и мне", - резюмирует Алина Подсолнухова в своём юношеском дневнике двадцать лет спустя. Очередная книга автора о "мрачном десятилетии", где нет ни рэкетиров с утюгами и паяльниками, ни уличных перестрелок, ни киллеров со снайперскими винтовками, но есть крайняя жестокость и тотальная скотская безответственность, махровым цветом расцветшая в те годы и благоухающая по сей день. Это первый роман автора, не посвящённый нетрадиционным для России религиям. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-09840-4

© Шорина О. Е., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Запись на обложке	6
31 мая 1999, понедельник	8
1 июня 1999, вторник	9
2 июня 1999, среда	10
4 июня 1999, пятница	13
5 июня 1999, суббота	14
6 июня 1999, воскресенье	15
7 июня 1999, понедельник	16
8 июня 1999, вторник	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Шорина

Лиловая тетрадь

Виталию Кириллову.

*Когда облака ниже колен,
Когда на зубах куски языка,
Когда национальность голосует за кровь...
Юрий Шевчук,
«Предчувствие гражданской войны».*

Запись на обложке

Уже пробило три часа ночи, а я почему-то стояла у Молочного магазина; «умный фонарь» освещал белым «дневным светом» голую зимнюю землю, покрытую инеем. Был страшный мороз, градусов двадцать, а я находилась на улице босиком. И тут же, под кустом, я нашла толстые, белые шерстяные носки. Но разве они защитят?!

А в городе проходил какой-то всенародный праздник, вроде Дня города, торжественный и тревожный.

Незаметно для себя я очутилась на нашей площади Ленина. Там уже настала осень, вечерело, или же, наоборот, рассветало... Нет, именно спускались сумерки; медленно застилали закатный свет тяжёлые и плотные, фиолетово-синие облака. Заход солнца – занавес дня.

Оранжевые фонари не прорезали этого весёло-болезненного мрака. Я увидела у Старой почты пустые деревянные настилы для артистов из Москвы и местных творческих коллективов. Народу много, всем, кроме меня, весело, и все собирались праздновать День города в кругу друзей или семьи.

Я же что-то заблудилась под этими чернильными облаками, всё кружила от бывшего Углового книжного, ныне краеведческого музея, до Старой почты, теперь городской редакции телерадиовещания.

Пока я наматывала круги, снова пробило три часа ночи, и вернулась бесснежная «коруолльская» зима.

Старый нарсуд, разорванный на клочки фирмочками по ремонту оргтехники, туризму, офисами сетевого маркетинга, в такое время оказался открыт настезь! Ни охраны, никого. Наверное, камеры, а то и роботы. Как там бит-квартет «Секрет» пел ещё в конце 80-х об охранниках отеля:

Стоят полковники в отставке у стеклянных дверей,
Пора бы фотоэлементам заменить этих парней...

Вот и заменили...

На втором этаже горели энергосберегающие лампы, без продавцов предлагались газеты и журналы. «Союзпечать» переехала из торгового центра КЭМП? Какой же идиот не запер на ночь дверь?!!

За перегородкой начиналась наша школьная раздевалка. Столько лет прошло, и тут по-прежнему так же неприятно, тяжёлая аура...

Видно, меня закружило в бывшем нарсуде, как в лесу на одном месте. Но там-то можно всё на лешего свалить, а здесь кто виноват? Домовой? Нарсудный? Судейский?

Я снова оказалась у входа в здание, почему-то оглянулась и увидела за спиной Сафронова. Он был похож сейчас на комиссара Каттани из "Спрута", уже потерявшего дочь Паолу и жену Эльзе. Удивительно, что за двадцать лет Сафронов так помолодел! Волосы – соль с горсткой перца слегка вьются, сам маленький и худенький... Странно, я же видела его фото в Одноклассниках, где у него, такого общительного, аж четыре друга (дочь, сын, некая Виктория и Банана), и целых шесть подписчиков!

На аватаре (фотографий всего пять) Сафронов стоял в своём дворе у чёрного «Форда», словно угнанного из чёрно-белого американского фильма, или же Военно-технического музея в селе Ивановское, где в холодных залах бывшего пионерлагеря выставлены его собратья. Сафронову очень идёт тёмный костюм; в мою бытность он костюмов никаких не носил, одевался в лохмотья. Наверное, он на свадьбе своей дочери Маши («Форд» по базе ГИБДД при-

надлежит ей). От *того Сафронова* ничего не осталось, только широкое, самовлюблённое лицо. У него короткая, паршивая седая бородёнка, как у "брата"-пятидесятника.

И тут физиономию Сафронова обезобразила ненависть. Он мгновенно извлёк откуда-то маленький изящный пистолетик и выстрелил мне прямо в горло, не закрытое от мороза ни воротником, ни шарфом. В глазах посерело, и я поняла, что умерла.

Я проснулась. Было пять часов утра и стреляли в телевизоре.

Вечером к нам пришёл в гости Стас, и я рассказала ему свой сон.

– По телевизору, наверное, показали что-то... – со своей извечной повышенной озабоченностью сказал Стас. – Жень, что опять ночью смотрел?

31 мая 1999, понедельник

И вот уже последний день как всегда пропавшей зря весны. И если в апреле повеселело, полегчало, а в мае жизнь пробудилась, но она пока с трудом ворочается после летаргического сна.

Как обычно по понедельникам, я поехала на автобусе во Фрязино. Я села в электричку на вокзале, обсаженном голубыми ёлочками. Из окна видно, как сверкает зеркало озера.

Сегодня я решила добраться до станции Ивантеевки-2. После Детской – большой перегон, лиственная лесозащитная полоса. Романтика! И почему я всегда одна и одна? Проехать бы эту прекрасную зелёную зону с подружкой, друзьями или парнем. Чтобы было что вспомнить! Но подружек у меня *больше нет*, а друзей никогда не было. А тем более парня! Я же толстая!

В Ивантеевке всё в двух шагах друг от друга. Я и не заметила, как меня закружило, и я оказалась уже ближе к нашим местам. Но решила сэкономить, и от «Горбаней» пошла обратно в Щёлково пешком.

После железнодорожного переезда, где другая станция, просто Ивантеевка, открытое поле, деревня Байбаки, я попала под дождь. Хорошо, что взяла зонт: он спас меня от пневмонии, но мои чёрные брюки-стрейч промокли сзади насквозь.

Но домой я не пошла, мне не стоит показываться там в эти ранние часы. Надо убить время до шести вечера. А сегодня в штабе партии как раз приёмный день.

– Проходи, красавица! – обрадовалась мне Наталья Николаевна Коломейцева, первый секретарь районного комитета. – Надо же, попала не в бровь, а в глаз! Я как раз к тебе домой собиралась идти!

В колясочной, кроме нас, находился противный дядечка в очках лет сорока. Такой классический гнилой интеллигент, что всех презирает, над всеми смеётся. Похож на очкариту из мультфильма для взрослых «Контакт», который поёт дуэтом, обнявшись с каким-то чудищем или демоном:

«Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла...»

– Так! – нагло сказал дядька. – Меня зовут Сердюков Юрий Алексеевич. – Я – бизнесмен, у меня индивидуальное предприятие по ремонту бытовой техники.

Убей меня, ну не похож он на предпринимателя! Что-то такое интеллигентно-придурковатое. Хотя Сафронов разве похож?

Если костюмчик натянуть вместо джинсов и ветровки, то будет немножко выглядеть.

Дядька Сердюков рассказал, что он, как бизнесмен, сотрудничает с общественной организацией «Молодёжная лига», которая выдала ему целую кипу предвыборных анкет.

– Мне посоветовали вас, как волонтеров. Я хотел бы, чтобы ваши люди провели предвыборное анкетирование. Нужно будет поехать в Медвежье Озёра, в Щёлково-7... Конечно же, надо быть готовыми, что вас могут просто послать...

– Да-да! – загорелась этой идеей Коломейцева. – Только опрашивать нужно не своих, не партийцев...

Об оплате труда речь вообще не шла.

Я тут же решаю взять на себя военный городок Щёлково-7. Мне очень нужны деньги, хотя бы сумма, кратная минимальной заработной плате, но даже этого здесь не дождёшься. А отказаться от бесплатного рабского труда не могу: боюсь, что выгонят, и я опять останусь одна, как в эти страшные весенние месяцы.

Вскоре пришли два дедушки.

– Кто это такая? – услышала я за спиной.

– Это наша Аля, Алина, – приветливо ответила Наталья Николаевна. – Девятнадцать лет, окончила школу, коммунист.

1 июня 1999, вторник

Договорились встретиться сегодня в райкоме в 18:00, дядька принесёт анкеты. А мне так трудно выйти из дому вечером! Приходится строчить маме записку, что меня не будет, и оставлять на зеркале! Ненавижу! Как дура какая-то! А потом – скандалы, разборки.

Прихожу в штаб, никого ещё нет, один Симаков перед закрытой железной дверью, выкрашенной в ядовито-голубой цвет. Спрашивает:

- Вы будете принимать участие в опросе?
- Буду, – вздыхаю обречённо. – В Щёлкове-7.

Коломейцева срочно подтянула на бесплатную работу Свету Старостину, её соседку-подружку Юлю Круглову и Володю Кучкина из Фрянова.

Очень жарко. Я в чёрных брюках-стрейч и сиреневой кофточке с бусинкой у выреза. А девки – как из одного детдома, в одинаковых коротких цветастых сарафанах, только на панель. Спины, плечи и руки – будто кипятком ошпаренные.

– Так, девочки! – командует Сердюков. – Вы должны будете взять эти анкеты и опросить людей, чтобы узнать предвыборную ситуацию. Можете подходить на улицах, звонить в квартиры... Конечно же, надо быть готовыми, к тому, что вас могут просто послать, избить, затаскать в квартиру...

Володя получает тридцать анкет, я – пять. Но для меня и этого слишком много.

Наталье Николаевне уже перестаёт нравиться эта затея.

– Слушай, – шёпотом говорит она, – а тебя родители не пошлют, если ты их опросишь? А с кем ты ещё живёшь?

– Нет!!! – пугаюсь я. – Я поеду в Щёлково-7!!!

Дома одну анкету заполняю сама, по второй опрашиваю маму. Она неожиданно заинтересовалась. Я с удивлением узнаю, что маме, оказывается, нравится Явлинский!

– Но это же *моё мнение!* – заявляет мама. – Он умный! А как он хорошо по-английски разговаривает!

2 июня 1999, среда

В первой половине дня иду на остановку. Она по-прежнему называется «Рассвет», хотя надо «Парус». У меня на сегодня есть ДЕЛО! Хотя бы это радует. Проезд мне бизнесмен Сердюков, как и работу, не оплачивает.

– До моста! – орёт со своего «трона» кондуктор, но я не придаю её словам никакого значения.

Вместе со мною в автобусе оказалась Наталья Николаевна, которая ехала ещё с Воронка. Она как раз жила в городке. От конечной до конечной...

Я хвастаюсь, что еду на анкетирование.

– Так он же до моста! – дублирует она кондуктора, и тут до меня наконец-то доходит.

– Тогда я пойду пешком! Я не могу по два раза за проезд платить!

– Ничего, я за тебя заплачу.

И мне стыдно. Нищенка!

И мы перетекаем на соседнюю остановку, не ту, где нас выплюнул the bus. Наталья Николаевна, депутат, точно соблюдает все правила дорожного движения: переходит строго по «зебре», позади автобуса.

– Я за границей нигде не была, только в Болгарии, – задумывается она, – но там очень уважительное отношение к пешеходу. Машина перед тобой всегда затормозит, и не только на переходе. Ой, смотри, земля, цветочки сажать будут! – как ребёнок, радуется она.

Так мы добираемся до городка. Наталья Николаевна встречает каких-то тёток, весело болтает с ними. Кажется, это те же самые, с кем она ехала со станции.

Предстоящая мне опасная бесплатная работа внушает ужас. Я боюсь людей, с которыми мне предстоит общаться. И вовсе не потому, что они что-то со мною сделают, просто боюсь. Я живу очень-очень замкнуто, как в монашеском затворе.

В военном городке всего две улицы: проспект 60 лет Великого Октября и Маршала Неделина. Наталья Николаевна живёт на проспекте.

– Скоро буду делать новую газету, – делится планами Коломейцева, когда мы у четырнадцатизэтажных башен. – «Коммерсантъ» надо будет купить, только он дорогой, "Коммерсантъ"... Аль, а родители твои как, работают?

Где-то я такое уже слышала...

– Да, – отвечаю я, как провинившаяся.

Коломейцева остаётся трепаться на рынке, что посреди проспекта, а я обречённо иду штурмовать какой-то подъезд. Я выбираю только советские двери, деревянные, или обитые утеплителем. Я уверена, что за дешёвыми дверьми меня не ждёт никакой опасности.

С первого раза мне везёт, открывает какой-то разбитной молодой чувак в шортах и чёрной майке, с накачанными плечами. Вот это действительно персонаж нашего нового времени, а не Сердюков в очочках на лопатообразном лице.

Я что-то бессвязно тараторю, но он меня понимает.

– Хорошо, давайте, – добродушно соглашается он. – Да вы пройдите...

– Нет, спасибо! – маскируя страх, отказываюсь я.

Анкета же пятистраничная. Мужчина никого из политиков не знает, и голосовать не пойдёт. Доход у него высокий.

– Скажем так, я руководитель среднего звена.

Это из последних вопросов.

Ура, одна анкета «убита»!

– Спасибо, вы мне очень помогли!

Спускаюсь. Наталья Николаевна всё ещё общается с народом. Она же у нас – депутат райсовета.

Я взахлёб, во всех подробностях рассказываю ей о проделанной работе, и она говорит:
– Правильно, не надо к таким заходить, ещё чего!

И я иду штурмовать другой дом.

В одной из квартир мне открыла какая-то забитая, запуганная женщина лет сорока пяти, с короткими русыми волосами и выпученными от дикого страха глазами, и на мою просьбу всё так же пришибленно покачала головой. А может, её сейчас гоняет пьяный муж или сын? В другой же мне отворил пенсионер либерального толка. Он подчёркнуто обречённо, как фашистскому оккупанту, согласился ответить на мои вопросы. Я зачитала, что он думает насчёт реформ, и он заявил:

– Ну, раз начали, то нужно продолжать!

Мимо нас сновали соседи, и либерал со всеми здоровался и жаловался, что его мучают, отрывают от дел и не дают покоя. Но вот и предпоследняя анкета убита!

А Наталья Николаевна, словно политический апостол, всё ещё учила народ на рынке. Подробно рассказываю ей о «клиенте»:

– Ну и дурак! – возмущается она.

В последней на моём скорбном пути квартире открыла бабушка. Она впустила меня в прихожую. Сначала бабка честно пыталась ответить на вопросы, а потом сказала:

– Поставьте везде «нет»!

Женщина была высокого роста, полная, вернее, опухшая, с ещё чёрными (или же крашенными?) длинными волосами и выразительными, чёрными, как виноград или смородина, глазами. Хохлушка, наверное. Или еврейка. Она и сейчас красива. Дышала жительница очень тяжело.

И вдруг как начнёт причитать! Она, Валентина Николаевна, инвалид второй группы по кардиологическому заболеванию. Пенсия маленькая, сыновья-военнослужащие зарплату не получают, и мальчик семи лет на день рождения без подарка!

– Я бы пошла работать, – голосила Валентина Николаевна, – но кто меня, пенсионерку, возьмёт!

– Так у меня другая беда! Мне все говорят, что мне не надо платить зарплату, потому что у меня родители работают!

Тумблер на мозговой панели бабки тут же переключается:

– А если бы родителей не было?!

– Тогда не знаю.

Я просто, как тот старик из пушкинской сказки, закинула невод. А кто здесь тина, трава морская и одна рыбка – не знаю. Но ничего золотого, это точно.

А Наталья Николаевна всё ещё стояла на рынке. Я рассказала ей про последнюю встречу.

– А что у неё? Лекарств нет? – оживляется она.

Так я покончила с эти страшным партийным заданием. Обрато пошла пешком.

Но времени, которое мне следовало убить, оставалось ещё достаточно. И я стала бродить по микрорайону Заречный.

На Комсомольской улице, на покосившейся лавочке со спинкой, сидел грузный одышливый дедушка с тростью.

– Это какой номер дома? – спросил он меня.

– 7\3, – тут же ответила я.

Я в своих скитаниях по городу уже всё выучила.

– А дом № 6 – это там?

– Да.

– А Космодемьянская? Она выше или ниже?

- Сбоку, снизу вверх.
 - Вот ведь – ни номеров тебе, ни черта!
 - Названия сзади дома есть.
 - А надо, чтобы везде было!
 - Но, ведь это же самый лучший район считается...
- Так утверждала моя одноклассница Бурундукова.

– Да какой «лучший», – взвился дед, – когда в объявлениях всё время пишут: «Микро-район не предлагать»! Я вон поднялся и выдохся весь, присел отдышаться! Милая моя, да я шестьдесят лет назад, нет, даже шестьдесят с лишним, катался здесь на лыжах с горы, сверху от самой Полевой, и никаких домов тут ещё не было!

4 июня 1999, пятница

Сегодня после долгой разлуки пошла на Воронок к Бурундуковой. Ну, совсем у меня ни гордости, ни чувства собственного достоинства нет. Сама она ко мне *никогда не ходит*, я ей не нужна. Наша дружба – игра в одни ворота. Фомичёвой больше нет, и Летовой больше нет, и, как бы не умер Шела подобно братьям его.¹ А у Бурундуковой я не была с марта.

– Вот смотри, мой дневник: «Хочу машину, хоть «Запорожец»!»

– Я тоже веду дневник.

– И ты как часто туда пишешь? У меня вообще были перерывы по полгода!

– У тебя нет ничего почитать?

– Типа чего? Типа Марининой?

– Да.

И Бурундукова даёт мне три яркие книжки.

– А когда ты мне их вернёшь? Мне они, в принципе, не нужны.

– Если не нужны, тогда зачем спрашиваешь?

– Хочу дать одному человеку. Чтобы поменять ему мировоззрение.

– А мои кассеты?

– Да, конечно, возьми. Они у меня как лежали, так и лежат.

И я пошла на Кооперативную, в Общество слепых. В двухкомнатном кабинете, похожем на смежную квартиру, толпа. Обсуждают какие-то «налоги». Толстая и чёрная, как еврейка, женщина, спрашивает приветливо:

– Что вы хотели?

– Да я вам опять плёнок принесла!

Председатель Общества, Александр Николаевич Маликов, сидел за столом, окружённый женщинами. Он меня сразу вспомнил:

– Это же наш спонсор!

Надо же, я – «спонсор»! Кто бы мог подумать! Слово-то какое противное! Мама ещё в 1991 году, когда нас оглушил новояз, весь этот хлам, – менеджеры, брокеры, дилеры, киллеры, – сказала, что «спонсор» переводится как «подачкадатель».²

Ирина Николаевна, очень полная женщина с каре и в очках, застенчиво спрашивает:

– Вы не против, если мы вас сфотографируем?

– Пожалуйста!

Хотя фотографироваться я не люблю. Но со мной ещё никто не обращался по-человечески, поэтому неудобно отказать. Все шпыняют, как будто при крепостном праве живём.

– Вот зеркало, поправьте причёску, – суетится Ирина Николаевна. – Вот видите – фотографии. Это мы ходим в музей...

А на 1-м Советском встречаю уже Наталью Николаевну.

– Я была сегодня в Старом нарсуде, в женской общественной организации «Надежда», меня пригласили, – сказала она. – Руководитель у них называется «президент». А вот наш психоневрологический диспансер. Я здесь была у одного, у Маликова. Провокатор! Хотел в партию вступить, а там всё Кулачихе рассказывал, чтобы ему комнату дали. Сам же он из Лосинки,³ там ПНД закрыли...

¹ Неточная цитата из книги Бытия: «Ибо он сказал: не умер бы и он подобно братьям его» (Быт 38:11). Иуда, брат Иосифа, потерял двух сыновей, Ира и Онана, и очень боялся за маленького Шелу.

² Слово "sponge" в английском – омонимы. Это и «губка», и «жизнь за чужой счёт».

³ Лосинка, а также Лос-Петрос – обиходное название маленького старинного городка в Московской области. В описываемое время город был разграблен и не имел многих жизненно важных социальных объектов.

5 июня 1999, суббота

Книжку «Светлый лик смерти» в мягкой фиолетовой обложке проглотила за вечер. И почему меня так манит вся эта низость? Я и не думала, что такие книги вообще бывают! Хамство, мат, моральные уроды. Но сотрудники милиции мне здесь нравятся, такие хорошие, надёжные люди.

В сентябре я ездила на дальний конец Москвы, на Клязьминскую улицу. Помню эти гигантские, синеватые дома-муравейники. Пасмурная погода, полный мрак. Вот именно в таких безнадежных домах и районах должны жить все эти страшные люди, герои покетбуков А. Марининой, шикарной дамы в очках и с гладкой причёской. В квартирах, куда никогда не заглядывает солнце...

А с другой стороны, Марина Алексеева собрала на своих страницах всё самое страшное. Надежда Цуканова, которую ищет, чтобы мучить, противная психиатрша Лариса Михайловна, её сын Витя и дочь Наташа, пережившие страшное самоубийство матери. Просто не надо мата, а так всё правда, и хуже бывает. Предательство, удар в спину. Присвоить все деньги и бросить подыхать в рабстве в Турции... Чем моя история отличается от Любы Сергиенко? Только кто «моя» Мила? Гончарова? Сафронов? Лепёхина?

Но конец – новая мораль. Прибитая маньячкой Наташей психиатрша мечтала, чтобы насильником Нади Цукановой оказался ненавистный Владимир Стрельников. И тот действительно берёт вину на себя, выгораживая товарища. Один подонок покрывает другого. И в молодости спокойно смотрел на изнасилование девушки в беспомощном состоянии, и сейчас. И это высшее благородство по-маринински. Вот так и живём.

6 июня 1999, воскресенье

Вчера вновь забегала к Наташе, относила книжку. Встреча вызвала отвращение. Бурундукова говорила всякие гнусности и гадости.

Она собиралась куда-то ехать.

– А может быть, мне длинное платье надеть? – спохватилась она. – А то мне стыдно...

На ней нечто чёрное, короткое и облегающее. Прямо на панель!

И мы пошли к её матери, что живёт на соседней улице. Почему-то именно там хранятся все её шмотки.

Хотя, что меня здесь удивляет? Бабушка тоже постоянно наши зимние вещи туда-сюда таскает!

Я долго ждала во дворе. Бурундукова спустилась в длинном, наверное, дорогом, но всё равно нелепом чёрном платье с разрезом. Вечернем. Потом что-то забыла и вернулась назад.

А когда я тащилась домой мимо четвёртой школы, мне навстречу шла Яна Летова с каким-то пожилым мужиком. Нет, не отцом: отец у неё седой и совсем старый. Хотя в памяти всё путается, может, я его неправильно запомнила. А других родственников, насколько я знаю, не имеется.

Яна заулыбалась, засияла, как медный таз, и помахала ей рукой. Как будто ничего не случилось. И я тоже её поприветствовала.

Единственное радостное событие за вчерашний день.

7 июня 1999, понедельник

Сегодня все мы должны сдать анкеты, чтобы дяденька-рабовладелец получил денежки, заработанные нами. А причём здесь вообще «Молодёжная лига»? Мама называла так новый канцелярский магазин, зажатый двумя продуктами.

По утреннему пересыпу я побила все допустимые нормы – встала в пол-одиннадцатого. А если бы бабушка пришла, которая всё время меня проверяет? Или отчим, который может рано закончить работу?!

Раньше и мама инспектировала, но теперь она работает далеко.

Сейчас уже около двух, а я всё ещё лежу на диване, правда, одетая для улицы, на случай внеплановой проверки. Наверное, такая апатия из-за жары.

8 июня 1999, вторник

Вчерашний день оказался очень насыщенным.

Мне же по-прежнему надо безжалостно убивать время! Я очень часто сижу в скверике у нашего Дворца культуры, где такой трогательный памятник А. С. Пушкину работы самого Вячеслава Клыкова!

Я читала «Московский комсомолец», который мы много лет выписываем, о буднях института Склифосовского, как одной девушке, пытавшейся покончить жизнь самоубийством, «удалось убедить врачей», что она ничего такого не хотела, иначе её отправили бы в психушку. Ветер измял газету в безобразный ком.

На мне брюки-стрейч, края штанин я уже совершенно изорвала своими огромными толстыми каблуками, и прошлогодняя кофточка цвета фуксии, очень оживляющая.

Коротая время в пушкинском скверике, я мечтала о какой-нибудь удивительной встрече. И, как говорится, ни одно наше даже самое бесплодное ожидание, не пропадёт даром. Справа ко мне подкрались и спросили:

– Девушка, вы читаете? Я не помешаю?

– Нет.

Это был тип, наверное, уже сорока лет, если не больше. А может, и двадцати девяти, – я плохо определяю возраст. Толстенький, смуглокожий, со взъерошенными, потными волосами, ужасно некрасивый, в поношенной клетчатой рубашке. Не везёт, так не везёт!

– А можно, я с вами сяду?

– Пожалуйста!

– Вы не закурите? Не курите? А я тогда закурю, позволите?

– Пожалуйста!

– А пиво не пьёте?

– Нет.

Не буду врать, что никогда не пробовала лёгкого и тяжёлого алкоголя, но у меня не было друзей, с которыми я могла бы предаваться сим модным занятиям.

– А ведь я к вам пристаю!

– Ну и что? Я ведь уйти могу.

– И правда... – словно сделал великое открытие мой собеседник. – А можно с вами познакомиться?

– А зачем?

Я же нахожусь в очень опасном «изголодавшемся» состоянии, когда на безрыбье и рак – рыба. Хотя рак – очень дорогой и ценный продукт, чего не скажешь о моём новом знакомом.

– Да такая девушка интересная... А мы ничего, мы трахаться сразу не пойдём.

Я, конечно же, испугалась. Но сбежать от него, обнаружив свой страх, я считала ниже своего достоинства. Нас же учили ещё в советской школе, что бояться – позор!

– А как вас зовут? – не отставал он.

– Афина!

– Ну, надо же, богиня войны! А я – Аркадий.

Никого ещё не встречала в реальной жизни с таким именем. Да у меня и вообще всегда было очень мало знакомых.

– А кто вы по знаку Зодиака?

– Скорпион.

– Ну, надо же! Роковая женщина!

Говорить с ним было абсолютно не о чем, разговор не клеился.

– И как же нам дальше встречаться?

Я пожалала плечами.

– А пойдём сейчас в парк, покурим, выпьем пива!

Я со страху вжалась в ажурную красную скамейку.

– Нет, я не хочу никуда идти. Мне жарко очень.

– Мне тоже жарко.

Тогда я спросила его, чем он по жизни занимается.

– Да вот работаю, – гордо сказал Аркадий.

Тут я не выдержала и сбивчиво, хватаясь то за одно, то за другое, выложила этому типу всю правду о своей работе. Потому что больше же мы не увидимся!

– Так почему же ты работаешь без денег?! – поразился Аркадий.

– Потому что мне обещают заплатить!

– Запомни: там, где тебе обещают, никогда не заплатят! – грозно сказал он.

– Хорошо, я запомню.

– Так ты что, вообще без денег сидишь? Может быть, тебе одолжить?

Соблазн весьма велик, но я сказала:

– Нет, не нужно.

Опустив низко голову и уставившись в утоптанную, мёртвую землю, Аркаша произнёс таинственно и торжественно, как в театре:

– Афина, ты... ты всё можешь переварить?

– Всё! – тоже как-то ненатурально заверила я его.

– Ведь лучше же сразу всё узнать?

– Да, лучше сразу.

– Афина, ты будешь трахаться?

– Нет.

Мне уже стало смешно.

– А ты когда-нибудь пробовала?

– Нет.

– И неужели тебе не хочется?!?

– Нет.

Просто как в кино на допросе. Или анкету какую заполняю.

– Не пьёшь и не куришь... Значит, ты – человек одушевлённый?

Наверное, он хотел сказать – «духовный», но вспомнил школьную грамматику: предмет одушевлённый и неодушевлённый.

– Получается, так.

– Но, я же не такой, как другие!

– Мы все – индивидуальные...

Вздых. Аркадий протягивает мне свою противно потную руку, пожимает кончики пальцев:

– Афиночка, всех тебе благ. Я пошёл.

И он скрылся за розовым домом, на пересечении улиц Пушкина и Парковой.

Я посидела ещё немного, чтобы Аркадий меня не выследил. Меня всю трясло.

Мама с детства боялась отпускать меня на улицу, чтобы я ни с кем никуда «не пошла». Я её не понимала. Теперь понимаю. Но я уже столько месяцев провожу на улице, и такое «заманчивое» предложение получаю впервые!

А у входа в сквер ко мне подскочил низенький, с гладким и вытянутым, как кабачок, черепом, мужичок, с маленькими глазками, и похвастался, радуясь, как ребёнок:

– Вот здесь вчера представление пушкинское было, – «Руслан и Людмила». Героев отгадывали. Нину, колдунью, никто не мог угадать, а я подсуетился, и коробку шоколадных конфет выиграл, и мамке отвёз! Здорово?

– Ну да! – поддержала его я.

В подъезде, где партштаб, я уткнулась в закрытую дверь. Приходит Володя Подосиновиков.

– Слушай, возьми анкеты, я спешу.

Это тебе не сегодняшний Аркаша-таракаша из сквера. Высокий, могучий, русоголовый, на машине и при должности. Он проводил опрос на заводе во Фрязино, где работал.

Но...

– У него есть маленький ребёнок! – с восторгом шепчет опоздавшая, как всегда, Коломейцева.

В наше же время это подвиг! Только вот что из них вырастет, этих святых младенцев «переходного периода»?

Подтягиваются Сердюков, девки с Сиреневой, и другой Володя, Кучкин. Все делятся впечатлениями и, конечно, верят, что сделали большое и нужное народное дело. И никто не хочет думать, что нас просто отымели по полной программе.

– Я во Фрянове опросил одного фээсбэшника, – хвалится Володя. – Он видит президентом Жириновского. Наверное, просто слышал, что он тоже военный, а о других ничего не знает.

– Может быть, нам собрать деньги на помощь Югославии? – предлагает Сердюков. – А я мог бы потом отвезти их в посольство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.